

Глава 1

ЛЮДОЧКА

1

— Быстрее, быстрее! Шевелитесь, мальчишки! — покрикивала на ребят, держащих в руках тяжелые деревянные щиты, девочка с сердитыми серыми глазами. Она была похожа на куколку: маленькая, с аккуратным носиком, с губками, формой напоминающими сердечко. Но слушались эту хрупкую на вид, фарфоровую куколку беспрекословно.

Ее одноклассницы в белых фартучках скромно стояли поодаль, кружком, перешептывались и хихикали. В процесс никто из них не вмешивался — не смели. Сальниковой-то все сойдет с рук, но не всем же так с родителями повезло.

Самый высокий из мальчиков, веснушчатый, рукастый, пытался пристроить свой плакат на самый верх, где торчали три больших железных гвоздя.

— Да не туда, тупой! Этот третьим, на две ступеньки ниже, ты что, совсем ничего не ображаешь?!

— Да я...

— Сейчас звонок будет, — оборвала его сероглазая. — Повесили быстренько, и все разошлись за свои парты. Молчим, не улыбаемся, иначе ничего не получится.

Мальчишки засуветились и, наконец, пристроили тяжелые деревянные щиты на положенные места. Вернее, совсем не на те, что были выделены для них изначально. Раньше плакаты висели лесенкой, согласно смене исторических формаций, прописанной в учебнике: от первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческий и капиталистический, через социализм, вперед, к коммунизму! По восходящей, как и полагается. Путь человечества наверх, к светлому будущему. Но Людочка Сальникова обожала розыгрыши. Кабинет истории всегда казался ей скучным. И она решила сделать учительнице сюрприз. Теперь «Коммунизм» оказался в самом низу, почти у пола, так что можно было пнуть его ногой, а на высшей ступени развития общества, под белоснежным потолком, вольготно расположились люди в звериных шкурах, сидящие вокруг костра. Они прекрасно себя чувствовали, обгладывая огромные кости, и снисходительно посматривали на картинку, висящую чуть ниже, где негры-рабы, закованные в цепи, упираясь, вращали деревянный ворот. Так вам и надо!

Людочка со знанием дела принялась рассматривать плакат «Социализм», находящийся теперь как раз на уровне ее кукольного носика. «Кто не работает, тот не ест!» Как же! Людочкина мама давно уже нигде не работала, но очень хорошо и много кушала, и процесс

этот обожала, поэтому каждый день со вкусом составляла для домработницы список блюд, которые надо подать к столу. Завтрак, обед и ужин. Каждому члену семьи — питание согласно возрасту, статусу и его потребностям. Диетические блюда для папы Михаила Федоровича, деликатесы для нее, Серафимы Евгеньевны, а для единственной дочки Людочки детский стол — пищу, богатую витаминами и кальцием. Ребенку надо расти.

Ребенок меж тем таскал тайком из холодильника вредную для здоровья копченую колбасу, потрошил коробки с шоколадными конфетами, сваливая мелкое воровство на домработницу, и делал учителям разные пакости. Авторитет Людочки в школе, где она училась, был высок. Да что там! Непререкаем! Все, и учителя, и одноклассники, твердо знали: Людочке Сальниковой ничего не будет. Что бы она ни натворила. Папа не допустит. Вызовет к себе в кабинет директора школы и разъяснит ему, что ребенку надо расти. А значит, проказничать и познавать окружающий мир. Людочке даже пальчиком грозить не смели:

— Ай-яй-яй!

Ни завуч, ни директор. Вымученно улыбались и терпели. Кто не дорожит своей работой? И кто захочет стоять посреди кабинета провинившимся школяром и слушать нотации? Шутка ли сказать: Первый Секретарь Горкома! САМ! Хозяин! Михаил Федорович Сальников!

Шутка с плакатами показалась Людочке очень удачной. Весь урок она ерзала на стуле и ждала, когда же учительница заметит непо-

рядок на стене. Класс гудел, взбудораженные мальчишки и девчонки, пересмеиваясь, обменивались записочками. Но историчка, видимо, была поглощена другими заботами. Муж в очередной раз запил, ребенок лежал дома с температурой, а свекровь ворчала, что устала всем им быть нянькой. Бедная женщина весь урок напряженно думала о том, где бы перехватить денег до зарплаты и как сбить маленькому сыну высоченную температуру? И где найти замену свекрови? Разве, маму выписать из Сибири? Сдернуть с насиженного места, пережить еще один семейный скандал...

— Итак, дети, записываем домашнее задание...

Разочарованная Людочка сразу после звонка собрала портфель и молча, с поджатыми губами вышла из класса. Вот тут историчка напряглась: «Господи, что я Сальниковой-то сделала? К доске, вроде, не вызывала, в журнале у нее одни пятерки. Надо бы все проверить как следует...»

Подружки то и дело толкали всесильную Сальникову в спину:

— Может, сказать, а? Людочка? Может, сказать? А?

Но девочка упрямо качала головой:

— Пусть так висит. Не заметила — ей же хуже!

И не ошиблась. Шутка имела для учительницы истории печальные последствия. Диверсию заметила комиссия из гороно, разразился скандал. Директору поставили на вид, он кричал на завуча и топал ногами:

— Что вы себе позволяете?! Это же катастрофа! Нас обоих уволят! За дискредитацию линии партии! За поклеп на социализм!

Перепуганная зав учебной частью в свою очередь напустилась на хозяйку кабинета. На очередном партсобрании историчке вклепили строгий выговор с предупреждением, чуть не отобрали партийный билет, и она долго еще ходила по школе заплаканная, с красными глазами. А Людочка уже придумывала очередной розыгрыш, чтобы одноклассники посмеялись всласть...

...Уникальное чувство юмора Людочки Сальниковой, которая ни дня не могла прожить без розыгрыша, формировалось под покровительством ее папы — большого начальника. Папа Сальников был номенклатурным работником и уверенно продвигался вверх по карьерной лестнице, занимая с каждым годом все более высокие и важные посты. А Людочка чувствовала, как с каждым годом окружающие относятся к ней все внимательнее и осторожнее. В небольшом провинциальном городке, где она жила и училась, все зависело от ее папы. В те времена никаких специальных школ для «особых» детей еще не существовало, по крайней мере в провинции уж точно. Людочка Сальникова ходила в обычную, но была там на «особом» положении. Ведь это ее глазами глава городской администрации видел работу славного учительского коллектива в одной из школ. И он ни в коем случае не должен был усомниться в том, что школа эта самая лучшая, а педагоги в ней самые чуткие и внимательные к детям. Поэтому учителя

смотрели на Людочку с опаской. Тьфу-тьфу-тьфу! Прелестный ребенок! Золото просто! И как мило шутит!

Гости, которые бывали в доме у Сальниковых, тоже смотрели на Людочку с опаской. Всех новеньких она непременно проверяла «на лимон». Насыпала в сахарницу мелкую-мелкую соль вместо сахарной пудры и подавала ее гостям. Те умилялись: какая хорошая девочка, совсем не избалованная! И помощница маме! Людочка первая посыпала солью дольку лимона, а потом, не морщась, отправляла ее в рот. Когда ничего не подозревающие гости клали такой лимон в чай или закусывали им папин коньяк, Людочка звонко смеялась. Ничего, проглотят! А привычка есть лимоны с солью осталась у нее на всю жизнь. Странно, но ей казалось, что это вкусно.

Другой Людочкиной радостью была собачка Манишка. Маленькое, злобное существо, признававшее только свою хозяйку.

— Не бойтесь, не бойтесь, она не кусается! — кричала Людочка гостям, когда белая болонка начинала прыгать вокруг них и противно тявкать. — Она же такая маленькая!

В этот момент дамам не следовало расслабляться.

Манишка и в самом деле не кусалась, но даже люди, вхожие в дом Сальниковых, почти что члены семьи, ее опасались. Особенно женщины, которые при виде болонки старались спрятаться за своих мужей, а сидя на стуле, смешно поджимали ноги, становясь похожими на куриц, сидящих на насесте. Людочка долго натаскивала Манишку, и в конце концов

своего добилась. Манишка вовсе не стремилась кого-нибудь укусить, она покушалась на женские колготки. Цапнув острыми когтями за чью-нибудь нейлоновую ногу, она делалась чрезвычайно довольной. Ее ждало лакомство. А гостя, сдерживая слезы, улыбалась хозяевам:

— Ничего, это пустяки! Ах, какая прелестная собачка!

В те времена хорошие колготки были дефицитом, да и стоили недешево. А к Сальниковым все старались одеваться, как на парад. Затяжки, а тем паче швы, выглядывающие из-под юбки, были немислимы! А ты попробуй достань новые колготки! «Уж лучше бы не звал... Да подавись ты своей икрой!» Бывалые приходили в брюках, но Манишка, изловчившись, умела оставить заметные затяжки, а то и нитяные дорожки и на штанинах. Пару визитов — и модную вещь можно было выбрасывать! Не давались вредной собачонке только джинсы, и в конце концов Михаил Федорович стал ворчать:

— Что это вы ко мне в дом буржуазную сразу таскаете?

К нему в гости теперь все женщины приходили в джинсах.

А Людочке с Манишкой за такие шалости никогда не попадало.

— Ребенок любит животных, это надо поощрять! — говорила мама Сальникова. — Тогда он вырастет добрым и чутким!

От «чуткости» ее дочери окружающих бросало в дрожь. «Какая вредная девчонка! И чего ей не хватает?» Людочке же и в голову не при-

ходило, что вещи, которая она портит, стоят дорого, что кто-то из-за нее может лишиться работы, а то и здоровье потерять, нажить, к примеру, гастрит. Не всякий желудок переварит лимон с солью, да под коньяк. Не говоря уже о домработницах, которые менялись постоянно. Одни сбегали сами, других Людочка изживала. Она делала это ради шутки, иногда просто на «слабо».

Ведь все зависело от ее папы — большого начальника, и гости терпели. И домработницы терпели. И учителя терпели. Чтобы хорошо жить, надо не выдвинуться, надо прогнуться. А значит, хвалить начальника, его выдающийся ум, прозорливость, умение руководить коллективом (ах, непросто это, Федор Михайлович, дай вам бог здоровья — куда ж мы без вас), хвалить всех его домочадцев и все вещи, которыми он владеет. Вот все в городе и хвалили взახлеб машину Сальникова, его квартиру, дачу, жену, проказницу-дочку и его мерзкую белую болонку. И что бы Людочка ни делала, она слышала неизменное:

— Ах, какая прелестная девочка!

Сначала Людочка твердо знала, что все эти люди врут. Что Манишка — противная собака, злая и невоспитанная, а она, Людочка, никакая не прелестная девочка и не совершенство с кучей непризнанных пока талантов. Знала, что рисунки ее — бездарная мазня, игра на фортепиано полна ошибок, голос фальшив, а стихи, написанные в угоду маме — посредственные. И сама она посредственность. Но посредственность умная, потому что не верит всем этим дядям и тетям. Эти дяди и тети счи-

тают, что они Людочку обольстили своими похвалами, раз ее папа доволен, и мама довольна, и сама девочка улыбается. А Людочка, улыбаясь, меняла тетям помаду в сумочках, так что, подкрашивая губы, они недоумевали, что же за цвет такой получился, я такую не покупала, а дядям подавала крепкий чай, налитый в бутылки вместо коньяка. И все весело смеялись. Только папа, хохоча, спрашивал:

— Людочка, а где ж коньяк?

— Я вылила его в унитаз! — с гордостью говорила она.

— Вот проказница! — хлопал в ладоши папа.

А мужики, с усилием растягивая губы в улыбке, мысленно проклинали «прелестное дитя». «Теперь ведь на сухую придется Сальникова слушать, я бы своему ребенку уши за такое оборвал!»

Но вслух это ни разу никто так и не сказал.

Людочке ничего не оставалось, как играть по правилам взрослых, потому что это было приятно. Что бы она ни делала, все равно оставалась прелестной девочкой. А это гораздо приятнее, чем изо дня в день слушать нотации и рассказы о других детях, которые красивее, умнее и талантливее. В присутствии Людочки Сальниковой не смели хвалить других детей. Понятно, что самая лучшая — дочь Первого! И случилось так, что Людочка постепенно начала забывать о том, что дядям и тетям нельзя верить. «Да, я знаю...» — говорила она себе. Но что именно знает, со временем как-то забылось. Тем более что папу перевели в Москву и он вновь пошел на повышение.

И тут-то пришлось Людочке Сальниковой вспомнить перевешенные в школе плакаты. Жизнь тоже была не без чувства юмора. Только она играла не плакатами, а эпохами, то бишь, историческими формациями, и не перевешивала их туда-сюда, а просто убирала со сцены. Так, деревянный щит с коммунизмом исчез вовсе, а социализм засунули куда-то на задворки, в пыльный чулан. А на самый верх, как единственно правильное, то, к чему надо стремиться, повесили гигантский плакат «Капитализм». И все эти банки, биржи, бесчисленные фирмы и фирмочки, консалтинговые компании и агентства недвижимости возникли так быстро, словно только и ждали удобного момента.

Папа Сальников, не долго думая, положил партбилет на стол. Чутье у него было звериное, он быстро понял: чтобы оставаться Первым, надо первым приватизировать то, что раньше было общественным. Его жена по-прежнему хотела вкусно кушать, а дочка заканчивала школу. И бывший коммунист пошел в народ, чтобы быть выдвинутым во власть, но уже на выборах, а не по назначению. Так сказать, демократично, без принуждения. И сделал стремительную карьеру уже в новом качестве, реформатора.

В Людочкиной жизни ощутимых перемен не произошло, если не считать того, что она просто выросла. И кроме привычки есть лимоны с солью взяла с собой во взрослую жизнь и другую милую привычку: устраивать людям розыгрыши. Умерла белая болонка Манишка, да и импортные нейлоновые колготы

перестали быть дефицитом. И если бы Людочка Сальникова знала, до чего иногда доводят милые розыгрыши, она задумалась бы о жизни всерьез.

2

— Тимка, будильник!

— Угу.

— Вставай, Тимка!

— Угу. Сама.

— Ты с краю. Немедленно вставай! Ну, Тимка!

Муж зевнул и нацелился на Людочку загадочным карим глазом. Она сразу поняла, что полупрозрачные кружева ночной сорочки не закрывают почти ничего. Кремовые розочки, сплетенные в хитрый узор, аппетитно красуются на белой сливочной коже. Полные ножки и складочки на животе надежно спрятаны в кружевной пене, зато соблазнительная грудь в глубоком вырезе такая, что... Ах!

— Не смотри на меня так! Мы на работу опаздываем!

— Да черт с ней, с работой!

— Тимка... нет...

Он все-таки прыгнул, гибкий, сильный, смуглый. Цепко схватил Людочку за плечи, развернул лицом к себе. Его губы попробовали на вкус сладость сливочной кожи. Людочка заглянула в загадочные, почти что черные глаза и почувствовала, что задыхается. Она успела только жарко прошептать:

— Будильник, Тимка... Будильник...

